

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.023

**Рефлексивно-культурологический обзор влияния научного
творчества Г.Г. Шпета на развитие человекознания
(К 140-летию юбилею философа-психолога)**

Семенов Игорь Никитович

Доктор психологических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: semenov@hse.ru

Аннотация

В статье характеризуется яркая и трагичная жизнедеятельность, недооцененные научное творчество и организационная роль в развитии отечественного человекознания выдающегося гуманиария первой трети XX в. крупного деятеля науки и культуры, философа-психолога Г.Г. Шпета – основоположника российской феноменологической философии, герменевтической логики, этнопсихологии общества, психологии смысла, герменевтики искусствознания и провозвестника семиотики структурализма, а также соучредителя трех первых в стране научных институтов (психологии, философии, искусствознания) и двух академий (художественных наук и актерского мастерства) и ряда гуманитарных журналов. Научное наследие Г.Г. Шпета с каждым годом приобретает все большее междисциплинарное значение в человекознании и обществознании по мере переиздания его фундаментальных трудов и их предметно-рефлексивной интерпретации в контексте современной философии, методологии, этнопсихологии, истории, культурологии, семиотики, структурализма, герменевтики, искусствознания, философской антропологии. Таким образом Г.Г. Шпет является провозвестником трансдисциплинарности современного человекознания, предвосхищая ее герменевтико-феноменологическую реализацию в онтологии и методологии гуманитарных наук, в т.ч. в философии, психологии и искусствознании.

Для цитирования в научных исследованиях

Семенов И.Н. Рефлексивно-культурологический обзор влияния научного творчества Г.Г. Шпета на развитие человекознания (К 140-летию юбилею философа-психолога) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 4А. С. 188-208. DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.023

Ключевые слова

Шпет Г.Г., Выготский Л.С., философия феноменологии, психология смысла, этнопсихология, сознание, рефлексия, творчество, институты, персонология индивидуальности.

Введение

Одним из недооцененных – как при жизни, так и после смерти – гениев российской гуманитаристики и культуры первой трети XX в. является выдающийся философ-психолог Густав Густавович Шпет (1879-1937). Его 140-летний юбилей отмечается ныне научно-гуманитарной общественностью: он был первопроходцем этнопсихологии и философии феноменологии социального бытия в человекознании и герменевтике структурализма в искусствознании. При этом Г.Г. Шпет – крупный деятель науки и культуры 1910-1930-х гг.: активный член Московского психологического общества, создатель (с Г.И. Челпановым) первого в России Психологического института в 1912-1914, а через 10 лет – организатор и директор первого в стране Института научной философии в 1921-1923 гг. За четверть века научного творчества (1905-1930) Г.Г. Шпет изучил и разработал ряд фундаментальных проблем в области человекознания, до сих пор определяющих перспективы развития таких его направлений, как: философская феноменология, методология гуманитаристики, общая-возратская-, этно- и социальная- психология, структурализм семиотики, герменевтика искусствознания, история философии и культурологии и т.д.

Необходимостью рефлексивно-культурологического и институционально-научоведческого изучения форм переоткрытия в миллениум фундаментальных достижений Г.Г. Шпета и путей их интеграции в современное человекознание определяется актуальность выяснения воздействия его наследия на современную психологию и гуманитаристику. Возвращенный Серебряным веком русской культуры, знаток полтора десятков языков, освоивший достижения передовой западноевропейской науки, достигший вершин творчества в эпоху авангарда первого послереволюционного десятилетия, Г.Г. Шпет трагически пал жертвой необоснованных репрессий 1930-х гг., а его фундаментальные труды стали вновь переиздаваться лишь через полвека в конце перестройки. Поражает энциклопедический диапазон вклада идей Г.Г. Шпета в человекознание и обществоведение: от истории, культурологии, философии, методологии, логики через психологию (общую, возрастную, этническую, социальную), социологию, этику до эстетики, филологии, стиховедения, театроведения и педагогики. Это отразилось в статьях о персоналии Г.Г. Шпета лично его знавшего крупного философа В.Ф. Асмуса в 1970 г. в 5-ом томе «Философской энциклопедии» и в 1977 г. историка философии А.А. Митюшина в БСЭ 3-го издания.

Через полвека после расстрела в 1937 г. в период четвертой в XX в. – демократической – революции в России на рубеже 1980-1990-х гг. началось переиздание трудов Г.Г. Шпета, благодаря усилиям Е.В. Пастернак (1989), Т.Д. Марцинковской (1996, 2000) и Т.Г. Щедриной (2006-2019). Более того, в миллениум возникла даже целая «Шпетониана» с комплексной компоновкой, текстологическим комментированием и критико-апологетическим анализом трудов Г.Г. Шпета, а также с культуролого-источниковедческой реконструкцией Т.Г. Щедриной (2009, 2010) ряда незавершенных его произведений и их историко-научной интерпретацией. На фоне этого разностороннего освоения (Ф. Роди; А.Н. Ждан; В.П. Зинченко, 2010; В.К. Кантор, 2005; В.Г. Кузнецов; В.А. Лекторский; Д.А. Леонтьев, 2009; Т.Д. Марцинковская, Б.И. Пружинин; С.С. Хоружий, 2010 и др.) наследия Г.Г. Шпета, ограничимся кратким обобщением его экзистенциально-творческого пути с тем, чтобы в этом персонологическом контексте акцентировать его роль в предметно-институциональном развитии российского человекознания. Поскольку в большинстве статей массива «Шпетонианы» анализируется предметное содержание наследия Г.Г. Шпета, то на этом уже достаточно проработанном

концептуальном фоне проблему составляет изучение экзистенциально-персонологических и культурно-институциональных аспектов творческого развития выдающегося ученого-гуманитария.

Новизна настоящей статьи состоит в рефлексивно-научковедческом подходе к изучению персонологии творческой индивидуальности Г.Г. Шпета, историко-научном анализе вклада его философско-психологических идей и научно-культурной деятельности в становление в XX в. российской гуманитаристики. При этом впервые выстраиваются типология междисциплинарных форм [Семенов, 2018-а] гуманитарного знания, развивающих его наследие в современном человекознании. культурологической реконструкции психологии жизнотворчества выдающихся ученых. Этот новый подход был разработан и реализован [Семенов, 2016, 2018-б и др.] применительно к рефлексивно-психологическому изучению и институционально-персонологическому анализу жизнотворчества и историко-экзистенциальной реконструкции научной деятельности ряда корифеев человекознания: философов (О. Кюльпе, М. Шелер, А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин, Н.Г. Алексеев, В.М. Розин), психологов (Г.И. Челпанов, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, М.Г. Ярошевский, Я.А. Пономарев, А.М. Матюшкин, А.В. Брушлинский, А.А. Бодалев, А.В. Петровский, В.П. Зинченко, А.Н. Ждан, А.А. Деркач, В.Д. Шадриков, О.К. Тихомиров), психофизиологов (В.М. Бехтерев, Н.Я. Пэрна, Б.М. Теплов), педагогов (К.Н. Вентцель, З.А. Решетова, Н.Ф. Талызина и др.). Экзистенциальной предпосылкой научковедческой экспликации социокультурного значения жизнедеятельности Г.Г. Шпета для истории и современного развития человекознания является рефлексивно-персонологический анализ его жизненного пути.

Трагичный жизненный путь и подвижническая деятельность Г.Г. Шпета во имя свободы творчества

Его яркая жизнь развивалась стремительно с приключениями, была насыщена постоянными интеллектуальными усилиями и познавательными поисками, оригинальным разнообразным творчеством, кипучей научной и культурной деятельностью, интересным общением с выдающимися российскими и зарубежными современниками, а окончилась трагически безвинным арестом и варварским расстрелом под идеологическим молохом, говоря словами М.Г. Ярошевского – «репрессивной науки».

По происхождению Г.Г. Шпет был рожден в 1879 г. вне официальной семьи, будучи внебрачным сыном венгерского офицера австрийской армии и обедневшей польской дворянки, которая, трудясь швеей, одна воспитывала его в любви, но и в строгости в Киеве. Ее вторым мужем Г.Г. Шпет был усыновлен (приняв имя и фамилию опекуна) для получения права на поступление в гимназию, где он блестяще учился, самостоятельно развивая сильной волей свой характер, пытливый ум и выдающиеся способности к математике, языкам, литературе и истории. Прочувшись два года (1898-1900) на физико-математическом факультете Киевского университета (ныне КГУ), свободолюбивый студент за участие в антиправительственных демонстрациях был арестован и отчислен из вуза. Рефлексируя в кратком аресте свою судьбу в контексте переосмысления кризисного положения дел в российском обществе, он решает заняться философией и восстанавливается в КГУ для специализации по гуманитаристике на историко-филологическом факультете (1901-1906).

Потрясенный блестящими лекциями выдающегося гуманитария Серебряного века русской

культуры философа, логика, психолога профессора КГУ Г.И. Челпанова [Семенов, 2016], любознательный юноша успешно специализируется в организованных им психологических семинариях. Профессор не только руководит учебными исследованиями талантливого ученика, но и освобождает его от полицейских задержаний из-за участия в демонстрациях первой русской революции 1905-1907 гг. Несмотря на эту политическую браваду, Г.Г. Шпет публикует свои первые научные работы, посвящая их психологии памяти (Шпет, 1905) и в 1907 г. –

философии причинности в трудах Юма и Канта (что развивается в позднем труде [Шпет, 1915]), а также онтологии и методологии изучения связи психического и физиологического [Шпет, 1907]. Опус Г.Г. Шпета о причинности получает золотую медаль: и он рекомендован для подготовки в КГУ к получению профессорского звания, что оказалось невозможным из-за его политической неблагонадежности

Его учитель Г.И. Челпанов [Семенов, 2016], став профессором кафедры философии Московского университета (ныне МГУ), обеспечил переезд Г.Г. Шпета (как и другого своего ученика П.П. Блонского) в Москву. Здесь он, продолжая сотрудничать в психологических семинариях – уже в МГУ, начал преподавать и в столичных вузах: на Высших женских курсах, в Народном университете Шанявского (где 2 курса у него учился студент Л.С. Выготский). При этом Г.Г. Шпет активно участвует в собраниях научной и художественной интеллигенции и Московского психологического общества [Семенов, 2018-б], а также в организации (с философами М.О. Гершензоном, Ф.А. Степуном, Б.П. Яковенко) с 1910 г. международного философского издания «Логос». Став приват-доцентом МГУ, Г.Г. Шпет в 1910-1913 гг. командирован с Г.И. Челпановым в ряд европейских университетов (Геттингена, Берлина, Парижа, Эдинбурга) для стажировки, в т.ч. у философов-психологов В. Вундта, О. Кюльпе и логика-феноменолога Э.Гуссерля.

В результате полученного научного и организационного опыта, учитель и ученик разрабатывают проект учебно-научного Института экспериментальной психологии (с 1918 г. – ГИЭП), который открывают при МГУ в 1912-1914 гг. – под директорством Г.И. Челпанова – в развитие его прежнего психологического семинария и на средства купца-мецената С.И. Щукина. Параллельно этому Г.Г. Шпет выпускает фундаментальные книги [Шпет, 1916, 2005, 2006, 1918] и выступает с рядом докладов в МПО. В одном из них [Шпет, 2008] он прогнозирует антигуманность революционных преобразований с классовых позиций, что аукнется ему в 1930-е гг. А пока в профессиональном плане Г.Г. Шпет в качестве оригинального философа-психолога и популярного столичного гуманитария-преподавателя избирается в 1918 г. профессором МГУ после защиты диссертации [Шпет, 1916].

В энтузиазме авангардизма первых послереволюционных лет развития советской психологии [Семенов, 2018] и человекознания, Г.Г. Шпет выступает как крупный деятель науки и культуры, организуя ряд институций: 1) издание в 1917-1918 гг. (с Г.И. Челпановым) журнала ГИЭП «Психологическое обозрение»; 2) издание в качестве главного редактора в 1917-1922 гг. философско-феноменологического ежегодника «Мысль и смысл» (Шпет, 2005); 3) Вольную ассоциацию творческой и вузовской интеллигенции (Петроград, 1919); 4) в качестве директора (в 1921-1923 гг.) – Институт научной философии при Факультете общественных наук МГУ; 5) Кабинет социальной и этнической психологии (в 1920 г. в ГИЭП); 6) участвует в создании (с литературоведом-большевиком П.С. Коганом и художником авангардистом В.В. Кандинским) Государственной академии художественных наук (ГАХН), избираясь ее академиком (1921) и ученым секретарем. Руководя всей научной деятельностью ГАХН в качестве ее вице-президента, он издает ряд фундаментальных трудов по истории науки, по методологии

психологии и гуманитаристики [Шпет, 1922, 1991, 1996, 2005, 2007]. В ГАХН вели исследования ученые с мировым именем: Г.О. Винокур, Р.Б. Виппер, П.П. Жолтовский, А.Ф. Лосев, Б.М. Теплов, Г.И. Челпанов (Семенов, 2018-б), которые под руководством Г.Г. Шпета разрабатывали, в частности, научно-философскую систему художественных понятий.

При выдвижении в 1928 г. Г.Г. Шпета в академики Всесоюзной академии наук (затем АН СССР, а ныне РАН), он был раскритикован за идеализм и в результате идеологической травли уволен в 1929 г. из ГАХН с запретом вести научную деятельность, публиковать свои труды и преподавать в вузах. С 1929 г. он пробавляется переводами художественной литературы (Дж. Байрон, Ч. Диккенс, У. Теккерея, У. Шекспир) и комментариями к ним (Байрон, 1934). Однако, мрак его быта на миг озаряется солнцем удачи: ибо в 1932 г. по приглашению руководства МХАТ он становится членом его Художественного Совета, а также профессором и проректором Академии высшего актерского мастерства. В кооперативе МХАТ Г.Г. Шпет поселяется со своей большой семьей в огромной квартире, где встречаются его многочисленные друзья из московской научно-художественной интеллигенции.

Вдруг в марте 1935 г. Г.Г. Шпета внезапно арестовывают (с рядом бывших сотрудников ГАХН) за «антисоветский заговор», ссылают в Сибирь в г. Енисейск и затем в г. Томск. Здесь он по заданию властей ГУЛАГА делает перевод «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля. Тем самым Г.Г. Шпет на исходе жизни припадает к истокам и рефлексировать предпосылки феноменологической философии, онтологию и логику которой – в оппозицию к их гегелевской трактовке – через сто лет (после Гегеля) стал разрабатывать шпетов учитель в феноменологии [Гуссерль, 2005]. Однако отрефлексировать и сформулировать эти предпосылки Г.Г. Шпету так и не удалось из-за внезапного повторного ареста в Томске в октябре 1937 г., за которым вскоре последовал несправедливый скорый суд и варварский расстрел. После этого часть его учеников и сотрудников-психологов (Н.Н. Волков, Н.И. Жинкин, Б.М. Теплов и др.) стали вновь работать в ГИЭП, в частности, в руководимой Б.М. Тепловым в 1937-1951 гг. первой в стране лаборатории психологии искусства [Семенов, 2016, 2018]. Она стала, с одной стороны, негласным убежищем для остатков (из ГАХН) разгромленной в 1930-е гг. научной школы Г.Г. Шпета, а с другой – зачатком формирования под мудрым руководством Б.М. Теплова (см. о нем: Семенов, 2016-а, 2016-б) его собственной научной школы в ГИЭП.

Будучи в Москве в 1920-1930-е гг. популярным интеллектуалом среди деятелей науки и культуры, Г.Г. Шпет особо не скрывал на домашних встречах с ними своих философско-теоретических взглядов по феноменологии и герменевтике, хотя они и шли в разрез с материалистическим марксизмом как философией большевиков, правивших в стране от имени пролетариата [Познер, 1933]. Предложенная же Г.Г. Шпетом онтология и методология социальной и этнопсихологии (Шпет, 1996) – как системы социально-этнических общностей и многообразных групп – были объемнее, чем социально-экономическая дифференциация общества на классы, марксистское изучение борьбы которых доминирует в историческом материализме как методологии социальной психологии. Философско-герменевтическая линия Г.Г. Шпета в ГИЭП и ГАХН не стыковалась с бескультурным примитивизмом Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и других идеологизированных форм марксистской эстетики и диалектико-материалистической методологии.

Эта принципиальная профессиональная позиция эрудита Г.Г. Шпета не только идеологически раздражала власти, но и противоречила курсу компартии большевиков на строительство социалистической культуры, свое критическое отношение к классовому гуманизму которой он определил еще во время революции и вскоре после нее [Шпет, 1991,

2008]. Понимая опасность складывающейся вокруг себя социальной ситуации, он – в контексте пиетета властей перед революционными демократами – дополняет свой знаменитый историко-философский «Очерк» [Шпет, 1991] специальными книгами. В них он изучает роль наследия прогрессивных русских мыслителей (А.И. Герцен, П.Л. Лавров, Н.Г. Чернышевский) в развитии отечественной философии и значение для психологии их антропологических идей [Шпет, 1922] как одного из элементов логики развития человекознания [Семенов, 2017]. Помимо этого прагматически вынужденного мотива, Г.Г. Шпет был также свободно движим творческим познавательным интересом – углубить на материале изучения русской философской антропологии, а позднее (при переводе «Феноменологии духа») и гегелевской понятийной системы – методологическую базу историко-научных предпосылок гуссерлианской феноменологии.

Несмотря на лояльность, выказанную изданием трех книг по русской философской антропологии [Шпет, 1922] и производной от нее материалистической психологии, все же Г.Г. Шпет по идеологической разрядке властей должен был еще в 1922 г. покинуть СССР на «философском пароходе» вместе с цветом дореволюционной «буржуазно-идеалистической» интеллигенции (Ю.И. Айхвальд, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др.). Однако, движимый патриотизмом, Г.Г. Шпет упрямил своего давнего знакомого (по поэтическим салонам 1910-х гг.) большевистского наркома просвещения драматурга-эстетика А.В. Луначарского – оставить себя на Родине, хотя тот честно и настоятельно все же советовал ему эмигрировать.

Ибо властям было известно, что еще до мировой войны второй женой Г.Г. Шпета стала племянница А.И. Гучкова – военного министра Временного Правительства, организатора заговоров против Г. Распутина и царя Николая II. Тем самым, по мнению советских властей, Г.Г. Шпет мог якобы иметь некоторое отношение к дореволюционной аристократии. Это было подозрительно для властей, ополчившихся после революции на остатки (после эмиграции) дворянства в стране, в силу чего трагическая развязка судьбы Г.Г. Шпета идеологически была предрешена.

Поражает, что через 10 лет после предостережения А.В. Луначарского, откликаясь на бедственное положение затравленного Г.Г. Шпета-переводчика, посол в СССР независимой Литвы поэт-символист Ю. Балтрушайтис предлагал (и не раз!) своему близкому другу оформить паспорт с литовским гражданством, что давало ему возможность легально покинуть страну, но тот все равно отказался. Творческое подвижничество Г.Г. Шпета позволило ему свободно вести философско-психологические и искусствоведческие изыскания в феноменолого-герменевтическом контексте при мысленном абстрагировании от надвигающихся опасностей «репрессированной науки».

Трудно отделаться от мысли, что предчувствуя ожидавшую его в конце концов трагическую участь, Г.Г. Шпет принципиально не изменял возвращенным им в юности ренессансным идеалам «чистой науки» (Шпет, 2010), не таясь демонстрируя своей научной и художественной деятельностью подвижническую свободу воли и творчества. Пророчески, как бы заглядывая в грядущее, Г.Г. Шпет, вероятно, предвидел фундаментальное значение герменевтико-феноменологических идей для будущего человекознания и посмертную востребованность своих произведений для развития науки. Этому способствовало сохранение шпетова архива любящей семьей, что составило источниковедческую базу для возвращения из идеологического изгнания его творческого наследия. Знаменитое в 1920-е гг. имя энциклопедиста Г.Г. Шпета стало медленно, осторожно и постепенно возвращаться в научную

коммуникацию гуманитариев и в проблемное поле их профессионального мышления лишь с эпохи «оттепели» конца 1950-х гг., пройдя несколько этапов, растянувшихся на целую треть века.

После посмертной реабилитации в 1956 г. имя Г.Г. Шпета впервые указывается в качестве вступления «От переводчика к «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля, изданной в 1959 г. в 4-ом томе его Сочинений. В 1970 г. статью с персоналией о Г.Г. Шпете публикует в 5-ом томе «Философской энциклопедии» лично знавший его известный философ В.Ф. Асмус, а в 1977 г. в БСЭ – А.А. Микушин. В 1982 г. Ю.М. Лотман в своем семиотическом сборнике Ученых записок Тартусского университета издает в Эстонской ССР статью Г.Г. Шпета «Литература». С конца «перестройки» начинается в СССР и в новой России переиздание его основных трудов философами [Шпет, 1991, 2005, 2007, 2009] и психологами [Шпет, 1996, 2006 и др.]. На рубеже 2000-2010-х гг. лавинообразно нарастает бум публикаций различных комплексов как его прижизненных изданий [Шпет, 2006, 2007], так и реконструкций незавершенных им рукописей [Шпет, 2009, 2010]. Параллельно в миллениум ведется рефлексия идей и трудов Г.Г. Шпета в статьях философов (Ф. Роди, В.К. Кантор, В.Г. Кузнецов, В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина) и психологов (Т.И. Артемьева, В.А. Гуржапов, М.С. Гусельцева, А.Н. Ждан, В.П. Зинченко, Д.А. Леонтьев, Т.Д. Марцинковская, А.М. Прихожан, И.Н. Семенов, Е.С. Сергиенко и др.). С 1992 г. в Москве и Томском университете проводятся научные конференции о фундаментальном значении творческого наследия Г.Г. Шпета для современного человекознания. Все это стало социокультурной предпосылкой для «возвращения из изгнания» (как было сказано в 2000 г. В.П. Зинченко в подзаголовке его книги «Мысль и слово Густава Шпета») идей и трудов Г.Г. Шпета в нашу современность.

Влияние идей Г.Г. Шпета на гуманитарное познание и психологию

Какое же влияние оказал Г.Г. Шпет на развитие гуманитаристики – в особенности на философию, психологию и искусствознание – если учесть следующие выделяемые нами [Семенов, 2011, 2016, 2018-а] параметры его научного творчества? Во-первых, это – интеллектуальная глубина, масштабный объем и широкий диапазон трансдисциплинарности (феноменолого-герменевтической) его научных публикаций. Во-вторых, популярность идей Г.Г. Шпета среди современной ему интеллигенции в 1910-1920-е гг. В-третьих, полное исключение (из-за идеологических репрессий 1930-х гг.) его трудов на полвека (!) из публикационной трансляции достижений российского гуманитарного знания XX в. В-четвертых, небывалый бум возвращения интереса к трудам Г.Г. Шпета посредством их переиздания, комментирования, реконструкции, ассимиляции и развития на рубеже XX-XXI вв. как важного перспективного направления современного человекознания.

Проведенный нами институционально-научоведческий анализ творчества Г.Г. Шпета позволяет дифференцировать следующие основные направления его влияния на российскую гуманитарную культуру, включая философское, психологическое и искусствоведческое профессиональное мышление.

Первым из них является непосредственное образовательно-преподавательское воздействие на студентов и слушателей его популярных лекций в процессе обучения в гимназиях и университетах. Ибо это способствовало формированию научного мировоззрения, герменевтико-феноменологической методологии и профессионального мышления будущих гуманитариев. Так, два его учебных курса в Народном университете Шанявского прослушал до

революции Л.С. Выготский, а после нее эти лекции посещали с ним его соратники по культурно-исторической психологии А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Е.Д. Божавич, что не могло не сказаться на росте их профессионализма. Например, по словам В.П. Зинченко, его учитель А.В. Запорожец в молодости был в восторге от лекций Г.Г. Шпета.

Второе направление – это непосредственное культурно-профессиональное общение Г.Г. Шпета с научной и художественной интеллигенцией в процессе обсуждения (в виде рефлексивно-предметных диалогов и полилогов на семинарах и дружеских встречах) актуальных вопросов развития философии, науки, искусства, культуры и образования. В силу своего обаятельного и азартного характера, неиссякаемого и едкого юмора, энциклопедических и профессиональных познаний, Г.Г. Шпет всегда был душой компании и лидером среди коллег в научных и художественных кругах. Даже после увольнения из ГАХН с запретом преподавать и публиковаться, Г.Г. Шпет, работая 1932-1935 гг. во МХАТ и живя в одном доме с деятелями театра, продолжал у себя проводить встречи с гостями-коллегами с обсуждением животрепещущих проблем по развитию культуры и науки.

Третье направление – это развернутое в публикациях инновационное содержание его научных взглядов и профессиональных идей: мировоззренческих, аксиологических, концептуальных, методологических, предметных, междисциплинарных, организационных. Феноменолого-герменевтическая трансдисциплинарность эпистемологически пронизывала оригинальную постановку и продуктивное решение им актуальных проблем гуманитарного познания. Ратуя за научный рационализм познания, Г.Г. Шпет обосновывал необходимость Ренессансного развития российской культуры и науки посредством построения онтологических основ и методологических средств их реализации в конкретных областях человекознания: философии, логики, психологии, этнологии, лингвистики, литературоведения, театроведения, эстетики. Его идеи и труды легли в основу зарождения российской феноменологии, герменевтики и структурализма. Так, коллега и в чем-то последователь Г.Г. Шпета всемирно известный филолог Р.О. Якобсон (с 1920 г. в эмиграции) явился одним из лидеров знаменитого Пражского лингвистического кружка, где с учетом достижений Г.Г. Шпета разрабатывались принципы герменевтики и структурализма в языкознании и поэтике.

Четвертое направление – разнонаправленная научно-организационная деятельность Г.Г. Шпета по созданию сети научных изданий и исследовательских институций с целью социокультурной реализации его новаторских идей в сфере развития гуманитаристики на основах культурно-философской методологии с позиций феноменологии и герменевтики. Используя опыт стажировки у основателей экспериментальной психологии В. Вундта, О. Кюльпе и создателя логических принципов феноменологии философа Э. Гуссерля, вместе с философом-психологом Г.И. Челпановым его ученик Г.Г. Шпет проектирует и организует в 1912-1914 гг. в Москве первый в стране Институт экспериментальной психологии (ГИЭП), где в переходное время в 1917-1918 гг. он организует с Г.И. Челпановым издание журнала «Психологическое обозрение».

Наконец, в труднейшие времена до и после Октябрьской революции Г.Г. Шпет издает в 1917-1922 гг. собственный феноменологический ежегодник «Мысль и слово». Эта публикационная трибуна явилась информационно-коммуникационной предпосылкой – наряду с трудами самого Г.Г. Шпета рубежа 1910-1920-х гг. – для его интенсивной организационно-институциональной деятельности в контексте авангардного энтузиазма первых послереволюционных лет с их надеждами на прогресс. Так, Г.Г. Шпет организует: в 1919 г. в Петрограде «Вольную философскую ассоциацию творческой и вузовской интеллигенции», а в

1920 г. Москве в ГИЭП «Кабинет по социальной и этнической психологии» и в 1921-1923 гг. «Институт научной философии» в качестве его директора. Вместе с литературоведом-большевиком П.С. Коганом и художником-авангардистом В.В. Кандинским, в 1921 г. Г.Г. Шпет создает Российскую академию художественных наук (позднее – Государственную: ГАХН), где заведует отделом философии, курирует исследования психологии искусства и руководит ее научной деятельностью в качестве вице-президента ГАХН по 1929 г.

Даже после репрессивного увольнения из ГАХН и трехлетия поденной переводческой работы, Г.Г. Шпет организует исследования и преподавание в 1932-1935 гг. в «Академии высшего актерского мастерства» в качестве ее профессора и проректора, а также разрабатывает проект «Академии МХАТ». Вопреки репрессиям и полувековому времени, организационные усилия Г.Г. Шпета не пропали даром: во второй половине XX в. его «Вольная ассоциация» явилась прообразом воссоздания «Философского общества», «Институт научной философии» – «Института философии АН СССР» (ныне ИФ РАН), а ГАХН и АВАМ – «Института искусствознания» и ГИТИСА.

Итак, рассмотренные четыре – научно-организационные – направления общекультурной деятельности Г.Г. Шпета составили его существенный вклад в прижизненную ему гуманитаристику. Пятое же – теоретико-методологическое – направление связано с последствием идейно-предметного наследия Г.Г. Шпета относительно влияния его трудов на развитие различных сфер современного человекознания.

Прежде всего историко-культурное обращение к оригинальным трудам Г.Г. Шпета, перипетиям его житнетворчества, предметному содержанию мыследеятельности, социокультурным условиям ее целеобразования и экзистенциально-событийного осуществления – все это возвращает нас к важному периоду недавней истории и Ренессансного расцвета русской культуры, а именно – к ее Серебряному веку [Семенов, 2011]. Эта плодотворная для России и мировой культуры эпоха зародилась в конце XIX в., достигла своего пика в начале XX в., продолжала плодоносить? несмотря на все трудности войн и революций, в период авангарда и энтузиазма первых 15-ти послереволюционных лет и прервалась репрессиями 1930-х гг. Историко-научное изучение жизнедеятельности Г.Г. Шпета в эту эпоху Серебряного века позволяет нам глубже понять феноменологию и психологию развития русской науки и культуры этой сложной и противоречивой переходной эпохи.

Так оказалось, что по идеологически-классовой разрядке властей он – как философ-идеалист – должен был еще в 1922 г. покинуть СССР на одном из двух «философских» пароходов (как и Ю.И. Айхенвальд, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др.). Однако, российский патриот Г.Г. Шпет, не мысля вне родины свою миссию – Ренессансного обновления науки (Шпет, 2010) на рациональной культурно-философской основе – упрямил давнего своего знакомого наркома просвещения большевика А.В. Луначарского вычеркнуть себя из списка высылаемых за границу. Хотя, как знаток французской революции и истории русской философии и общества, он прекрасно понимал (Шпет, 1917-1918; Шпет, 1922) не только позитивные, но и негативные стороны дальнейшего развития революционного молоха.

Историко-философское обращение к наследию Г.Г. Шпета не только восполнило пробелы в изучении истории русской философии, психологии и культуры Серебряного века, но также позволило эксплицировать ее феноменолого-герменевтические аспекты и развить их в контексте современного человекознания. Издание его трудов вылилось в беспрецедентную источниковедческую акцию по воссозданию авторских текстов. Обычно такая кропотливая

работа по воссозданию первоисточников ведется относительно античных авторов (например, текстов Плотина А.Ф Лосевым). Однако фундаментальность трудов Г.Г. Шпета, определивших (и опередивших на десятилетия!) развитие ряда направлений гуманитаристики, а также их полувекковое выпадение, к сожалению, из ее арсенала наряду с фрагментарностью [Шпет, 2007] текстовой фиксации многих его идей – все это потребовало специальных подвижнических усилий по воссозданию целостности наследия гениального ученого. Эта акция энтузиастов включала: поиск трудов Г.Г. Шпета, их подготовку к изданию и комментирование, публикацию с научным аппаратом, а также изучение и даже реконструкцию части из его текстов благодаря подвижничеству Т.Г. Щедриной (2011 и др.).

Поскольку характерной особенностью творчества Г.Г. Шпета было порой фрагментарное формулирование своих идей или их пропедевтическая констелляция (в виде фиксации положений методологического подхода к анализу изучаемой им проблематики), то ряд его трудов ограничивался публикацией им самим лишь первой части заявленного в предисловии многотомника или вообще имел форму фрагментов [Шпет, 2007]. Поэтому при современном переиздании его трудов необходимы были не только развернутые комментарии, но в ряде случаев также и концептуально-текстологическая реконструкция Шпетова замысла. Эта подвижническая деятельность Т.Г. Щедриной привела к оформлению особого жанра историко-философской реконструкции концептуальных замыслов Г.Г. Шпета о возможном завершении им своих книг посредством реконструируемых их вторых частей. Так, Т.Г. Щедрина реконструировала вторые части его книг по логике, истории русской философии и труды по психологии личности, творчеству У. Шекспира [Шпет, 2008, 2009, 2010; Щедрина, 2011 и др.].

Издание наиболее капитального труда Г.Г. Шпета по этнопсихологии также ограничилось лишь первой методологической частью. Важно подчеркнуть, что ее вхождение в гуманитаристику произошло под влиянием философа-психолога Г.И. Челпанова, будучи еще студентом, которого в Киевском университете, Г.Г. Шпет увлекся психологией. Первые его собственные публикации относились к экспериментатике памяти, методологии причинности и онтологии психического (Шпет, 1905, 1907, 1915). Историко-научное обращение нами к изучению создания им в 1927 г. на закате эпохи Серебряного века фундаментального труда по этнопсихологии [Шпет, 2006] выявило в современной ему гуманитарной культуре то проблемное поле, анализ которого подвиг его к исследованию этно-психологической проблематики.

Исходным фоном для этого послужила выстроенная В. Вундтом (1913) в начале XX в. классическая психология народов и ее критика в зарубежном и русском человекознании и обществоведении. В России эта критика велась с позиций учения Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах, что во многом предвосхитило типологию культур, обоснованную О. Шпенглером в его знаменитом опусе о «Закате Европы». Интерес к этой историко-психологической проблематике возник [Ардашев, 1895] в русской культуре еще в конце XIX в., что активно обсуждалось [Бестужев-Рюмин, 1888; Некрасов, 1902; Маркелов, 1912] еще до революции в эпоху расцвета Серебряного века.

Через полвека после Н.Я. Данилевского и А.А. Потебни к изучению психологических аспектов культурно-исторической проблематики обратился в начале 1930-х гг. Л.С. Выготский (1982), наполнив ее иным теоретическим содержанием, причем, уже в контексте философии марксизма. Так, по словам Э.Г. Юдина, при обсуждении в редакции философии БСЭ в 1970 г. конкурсного варианта моей статьи «Выготский Лев Семенович» [Семенов, 1972], его соратник А.Н. Леонтьев (курировавший в БСЭ психологию и педагогику), в целом одобрил сей опус,

рекомендовав в нем: «автору обязательно подчеркнуть вклад Льва Семеновича в построение марксистской психологии», что и было мною сделано, поскольку отвечало действительности.

В связи с этим возникает важная историко-научная проблема о связи культурно-исторической теории развития психики (Выготский, Соч., 1982) с этнопсихологической концепцией феноменолога (Шпет 1927), под влиянием которого (и философа-филолога Ю.И. Айхенвальда) студент юридического факультета Университета Шанявского Л.С. Выготский стал формироваться как профессиональный психолог, который позднее на рубеже 1920-1930-х гг. создал знаменитую культурно-историческую психологию развития психики.

Парадоксальность влияния/невлияния идей Г.Г. Шпета на научные школы классического и современного человекознания

Многолетнее изучение наследия Г.Г. Шпета, проведенное энтузиастом его творчества философствующим психологом В.П. Зинченко (2010), привело последнего к горькому сожалению, высказанному мне в частной беседе: «Странно, но хоть бы раз Л.С. Выготский сослался на влияние на его теорию идей Г.Г. Шпета, а ведь он слушал его лекции и посещал семинары. Более того, мимо этих идей прошли С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, Л.И. Божович, а ведь большинство из них также бывали на этих лекциях и знали его труды».

Как мне представляется, все-таки идеи Г.Г. Шпета воспринимались его современниками в качестве развития идеалистической философии, а труды указанных В.П. Зинченко психологов принадлежали к последующему научному поколению советского человекознания [Семенов, 2018], когда они создавали свои концепции и могли публиковаться лишь в марксистском контексте построения психологической науки на базе диалектико-материалистической методологии [Познер, 1933]. Вероятно, именно поэтому наследию – по общей и этнопсихологии сознания – репрессированного идеалиста Г.Г. Шпета так и не нашлось места в аналитическом обзоре философских основ советской психологической науки, опубликованном одним из ведущих ее историков Е.А. Будиловой в 1972 г., впрочем, как и через четверть века в новой России – в обобщении достижений отечественной психологии XX-го в., изданном в 1997 г. под редакцией другого представителя школы С.Л. Рубинштейна – директора ИП РАН А.В. Брушлинского в соавторстве с другими историками (К.А. Абульханова, Л.И. Ацыферова и др.). Здесь в разделе В.А. Кольцовой, Ю.Н. Олейника о религиозно-философских предпосылках отечественной психологии дана лишь единственная ссыла на «Очерк развития русской философии» Г.Г. Шпета, причем без характеристики его вклада в психологию, хотя к 1997 г. уже вышли три книги с переизданием шпетовых основных трудов [Шпет, 1989, 1994, 1996].

О фундаментальной же значимости для гуманитаристики идей Г.Г. Шпета по феноменологии социального бытия свидетельствует то, что он обсуждал их в личной переписке с основоположником этого направления передовой европейской философии [Гуссерль, 2005]. Ибо выделенный Г.Г. Шпетом раздел о феноменологии социального бытия отсутствовал в классификации эмпирических явлений Э. Гуссерля (2005). Не смотря на действительное наличие разнообразных причин того, что идеи Г.Г. Шпета не оказали явного влияния ни на своих младших современников-психологов, ни на последующие поколения советских гуманитариев, все же следует выделить основную детерминанту этого науковедческого факта, к сожалению, весьма контрпродуктивного для человекознания, что затормозило развитие отечественной гуманитаристики. Эта причина не может лежать в плоскости: ни методологии

феноменологии, ни научной конкуренции, ни личного соперничества, а определяется социокультурной спецификой конкретно-исторического времени, а именно – периодом репрессий в советской гражданской истории 1930-1950-х гг. Ибо на произведения осужденных (по политической 58-й статье УК РСФСР) и погибших гениальных философов (Г.Г. Шпет, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин) и поэтов (Д.Л. Андреев, Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам) никакой советский ученый или писатель не мог даже ссылаться в печати, не говоря уже о развитии их идей в своей исследовательской или художественной деятельности, что было чревато остракизмом, увольнением, заключением, расстрелом. Однако Г.Г. Шпет был посмертно реабилитирован лишь в 1956 гг., но ссылаться на его труды стали философы лишь с 1969 (Ю.А. Левад, Ю.П. Сенокосов) и с 1970 г. (В.Ф. Асмус), а психологи с 1979 г. (Б.Ф. Поршнев), но отнюдь не упомянутые В.П. Зинченко лидеры (см. о них: Семенов, 1970-1972, 2018) советской психологии, которые уже все отошли в мир иной, так и не раскрыв тайны всех истоков их творчества.

До сих пор дискусионен интригующий вопрос о возможном влиянии идей Г.Г. Шпета о «мысли и смысле» [Шпет, 2005] на формирование культурно-исторической теории Л.С. Выготского [Семенов, 1972, 2016]. Этот вопрос требует специального историко-научного изучения (Зинченко, 2010). В трудах ее создателя имеются крайне редкие ссылки (Выготский, Соч. 1982) на Г.Г. Шпета, но без необходимого соотнесения с его идеями. С другой стороны, современный филолог Ю.Н. Минералов (1999) упрекает самого Г.Г. Шпета в том, что он – при разработке знаменитой проблемы «внутренней формы слова» [Шпет, 2007] – развернуто не соотносится с первопроходцем ее изучения в российском искусствознании А.А. Потебней. При этом известно, что его концепции обсуждали шпетовы знакомые эстетики, в т.ч. упоминавший о Г.Г. Шпете известный поэт – автор воспоминаний о «Начале века» и «Между двух революций» [Белый, 1910; и др.].

Как осторожно отмечал (через сравнение с теорией эмоций А.В. Запорожца) В.П. Зинченко, глубокий специалист по психологическому изучению наследия Г.Г. Шпета: «А.В. Запорожец... распространил на эмоции ранее высказанное им положение о наличии внутренней картины движения эмоций, утверждая существование в структуре эмоций внешней и внутренней форм... В своих размышлениях А.В. Запорожец не ссылался на Г.Г. Шпета, развивавшего учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме, но в студенческие годы он слушал его лекции и восхищался ими. Кто знает, может быть Л.С. Выготский не до конца затмил Г.Г. Шпета, и влияние последнего все же сказалось, хотя и с большим опозданием» [Зинченко, 2010, 378]. В личной же беседе со мной В.П. Зинченко более определенно посетовал: «Вызывает сожаление тот удивительный факт, что Л.С. Выготский не ссылается на влияние Г.Г. Шпета на становление культурно-исторической теории развития психики». (Правда, сам В.П. Зинченко [Семенов, 2018] тоже почему-то не ссылался на то влияние, которое оказали наши труды [Алексеев, Семенов, Советов, 1996; Семенов, 2017] по рефлексивно-смысловой регуляции мышления на его исследование в 1990-х гг. с Н.Д. Гордеевой рефлексивности предметно-двигательных действий, хотя он и был знаком с нашими публикациями, когда мы оба работали 1980-е гг. в одном отделе эргономики в ВНИИТЭ. Может быть, В.П. Зинченко не хотел ссылаться на меня, как на ученика опального в те времена философа Г.П. Щедровицкого – как в свое время Л.С. Выготский на травимого Г.Г. Шпета?).

Действительно, ближайший (с А.Р. Лурией) соратник Л.С. Выготского по психолого-педагогической реализации культурно-исторической теории А.Н. Леонтьев [Семенов, 2018-б], отмечал, что вместе они в 1920-е гг. слушали Г.Г. Шпета. Поэтому очевидно воздействие его

оригинальных идей о «мысли и смысле» на становление культурно-исторической концепции взаимосвязи развития «мышления и речи» (Выготский, Соч. 1982). Ибо достаточно сравнить не только суть, но даже и названия их концепций (историко-культурно-феноменологическая теория Г.Г. Шпета и культурно-историческая теория Л.С. Выготского), чтобы обнаружить их онтологическое сходство.

В знаменитой теории Л.С. Выготского ряд ученых [Зинченко, 2010; Зинченко, Пружинин, Щедрина, 2010] находят отголоски идей Г.Г. Шпета (разумеется, без ссылок мэтра на опального мыслителя) о знаковом опосредствовании процессов взаимодействия «мысли и смысла», «мысли и слова» как «внутренней формы» [Шпет, 2007, 2010] своеобразного «знакового общения» людей и его рефлексивных механизмов [Семенов, 2017]. Что же послужило фоном для построения самим Г.Г. Шпетом (старшего Л.С. Выготского на 17 лет, т.е. на целое поколение в науке) его феноменологической герменевтики с ее логико-лингвистической и филолого-культурологической верификацией, в отличие от мощной дефектологической и педагогической экспериментатики (А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Б.В. Зейгарник, Л.И. Божович, П.И. Зинченко, Д.Б. Эльконин и др.) культурно-исторической теории?

Вернемся к исходу XX в., когда эти идеи Г.Г. Шпета составляли проблемное поле – наряду с теориями других ученых Серебряного века [Ардашев, 1895; Белый, 2010; Бестужев-Рюмин, 1888; Маркелов, 1912; Некрасов, 1902] и их зарубежными коллегами [Вундт, 1913; Лебон, 1906; Наторп, 1912]. Ибо это служило важным фоном (как и труды А.А. Потебни, К. Бюлера, В. Келера, К. Коффки, Ж. Пиаже) для разработки Л.С. Выготским (с А.Р. Лурией, А.Н. Леонтьевым) оригинальной культурно-исторической теории развития высших психических функций [Выготский, 1982]. Для социального выживания и поступательного развития школы Л.С. Выготского на рубеже 1920-1930-х гг. важным было вести эту разработку с теоретических позиций не столько идеалистической феноменологии [Гуссерль, 2005], сколько с марксистской диалектико-материалистической методологии [Семенов, 2018-б].

Однако, возникает экзистенциальный вопрос: а мог ли Л.С. Выготский [Семенов, 1972, 2016] в социокультурном контексте рубежа 1920-1930-х гг. –

даже если бы и хотел – ссылаться на опального Г.Г. Шпета, не рискуя утратой возможностей для продолжения своих научных исследований вообще в стране и конкретно в ГИЭП? Ведь начиная с идеологического скандала с провальным выдвижением Г.Г. Шпета в 1928 г. для баллотировки в академики Всесоюзной академии наук (будущая АН СССР) и вплоть до самой смерти Л.С. Выготского в 1934 г. идеологические гонения лишь усиливались – как на него самого, так и на его культурно-историческую научную школу. Ибо со времени увольнения в 1929 г. из ГАХН ее вице-президенту Г.Г. Шпету было запрещено печататься и даже заниматься научно-преподавательской деятельностью.

Более того, из-за затруднений вести совместные с Л.С. Выготским культурно-исторические исследования, его соратники А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев вынуждены были в конце 1920-х гг. уйти ГИЭП. Сам же А.Н. Леонтьев даже переехал в начале 1930-х гг. на работу в Харьковскую психоневрологическую академию, где стал создавать свою научную школу экспериментального изучения психологии деятельности (А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, Л.И. Божович и др.). После же ареста в 1935 г. и расстрела в 1937 г. Г.Г. Шпета по политической статье ни о каких ссылках на его идеи и труды не могло быть и речи в 1930-1950-е гг.

Необходимо также отметить, что если участники школы С.Л. Рубинштейна не соотнесли с философско-психологическими идеями Г.Г. Шпета в книгах по истории психологии

[Абульханова, Анцыферова, Брушлинский, 1997; Будилова, 1972], то последователи исследовательского направления Л.С. Выготского-А.Н. Леонтьева стали включать анализ шпетовых идей в вузовские учебники (А.Н. Ждан, Т.Д. Марцинковская). Более того, они специально изучали проблему взаимодействия культурно-исторической теории развития «мышления и речи» с феноменологической концепцией Г.Г. Шпета о связи «мысли и смысла» [Зинченко, 2000, 2010; Леонтьев, 2009, 14-15]. С иных теоретических позиций эта проблематика обсуждается в современной философии (В.А. Лекторский), лингвистике (В.И. Постовалова), психологии [Алексеев, Семенов, Советов, 1996; Бодалев, Семенов, Чудновский, 2003; Марцинковская, Гусельцева, Прихжан, 2012-1013; Мухина, 2006 и др.], педагогике [Чудновский, 2007], методологии [Щедровицкий, 1995] и др.

Концептуально-институциональное значение философско-психологической и научно-культурной деятельности Г.Г. Шпета

Поставленная в феноменологическом ключе Г.Г. Шпетом фундаментальная методологическая проблема анализа истории как предмета логики [Шпет, 1916, 2005] через 45 лет стала вновь изучаться (Б.А. Грушин), но с иных онтологических позиций в философском кружке «содержательно-генетической логики» Г.П. Щедровицкого. Этот методологический кружок был организован им в 1950-е гг. в продолжение учебного кружка А.А. Зиновьева при кафедре логики МГУ, куда входили его аспиранты и студенты философы и психологи (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, В.А. Костеловский, И.С. Ладенко, М.К. Мамардашвили, Н.И. Непомнящая, Я.А. Пономарев, В.Н. Садовский, В.С. Швырев и др.).

Отметим, что возрождение после Отечественной войны реального философствования (после его разгрома в 1920-1930-е гг.) также осуществлялось в МГУ на рубеже 1940-1950-х гг., как и в свое время Г.Г. Шпетом – в философском, логическом, методологическом, социологическом и психологическом контекстах, в т.ч. на семинарах: Э.В. Ильенкова по диалектической логике, А.А. Зиновьева по математической логике, Г.П. Щедровицкого по методологии мышледеятельности. В процессе разработки социотехнического варианта методологии деятельности соратники Г.П. Щедровицкого изучали логику: исторического процесса (Б.А. Грушин), соотношения формы и содержания мышления (М.К. Мамардашвили) и логику мышления как социально нормированной деятельности (Г.П. Щедровицкий и Н.Г. Алексеев). Затем эти исследования велись под патронатом заместителей директора ГИЭП Б.М. Теплова и П.А. Шеварева на заседаниях руководимой философом Г.П. Щедровицким «Комиссии по логике и психологии мышления», которая работала при Обществе психологов (см.: Семенов, 2018) на базе этого института.

В 1960-е гг. данная комиссия трансформировалась в созданный Г.П. Щедровицким Московский методологический кружок (ММК) по системно-методологическому изучению деятельности как социолого-интеллектуальной знаково-мыслительной субстанции, презентующей культурно-историческую, социотехническую, логико-лингвистическую и психолого-педагогическую нормировку мышледеятельности, осуществляющейся через ее знаково-семиотическое опосредствование, благодаря социально-психологическим и психофизиологическим механизмам функционирования как на социальных взаимодействиях, так и на природном нервном субстрате. Таким образом через полвека века состоялось развитие идей Г.Г. Шпета о роли логики в истории мысли и о необходимости междисциплинарного

изучения знаково-символического опосредования процессов мышления в его современных социотехнических и логико-психологических исследованиях.

Как уже отмечалось нами выше, философско-психологическое наследие Г.Г. Шпета монографически анализировалось и развивалось В.П. Зинченко [Зинченко, 2000], Т.Д. Марцинковской [Марцинковская, Гусельцева, Прихожан, 2012-2013], Т.Н. Патрахиной, Т.Г. Щедриной и в статьях ряда современных ученых. На рубеже XX-XXI вв. это изучение ведется в различных концептуально-предметных аспектах: историко-научном (Т.Д. Марцинковская, М.К. Поливанов, А.Н. Ждан, И.Н. Семенов, Т.Г. Щедрина), герменевтическом (А.А. Брудный, 1996; В.Г. Кузнецов; Т.А. Прыгунова, И.Н. Семенов, 2019), искусствоведческом (Е.В. Пастернак, П.П. Чурбаков, Т.Г. Щедрина) феноменологическом (М.Ю. Дударева, И.Н. Семенов, 2008; Ф. Роди; С.С. Хоружий, 2010), теоретико-методологическом (М.С. Гусельцева, В.П. Зинченко, В.К. Кантор, Д.А. Леонтьев, В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, И.Н. Семенов, 2017), экспериментально-исследовательском (В.А. Гуружапов, 2007; Н.И. Жинкин; Д.А. Леонтьев, 2009; М.С. Егорова, Е.А. Сергиенко), возрастно-психологическом (А.А. Бодалев, Т.Д. Марцинковская, В.С. Мухина, 2006), психолого-педагогическом (А.М. Прихожан; В.Э. Чудновский, 2007), социально-тренинговом (И.Н. Семенов, Ю.А. Репецкий, А.В. Репецкая, 2019; С.С. Хоружий, 2010) и др.

В современной психологии одним из крупнейших российских психологов В.С. Мухиной в миллениум создана научная школа феноменологии социального бытия и развития личности, которое изучается в контексте общей и возрастно-педагогической психологии. Академик РАО В.С. Мухина понятийно идентифицировала эту школу с феноменологической парадигмой, обобщив свои достижения в книге с красноречивым названием «Феноменология развития и бытия личности» [Мухина, 2016]. Хотя это название перекликается с интеграцией шпетовых идей [Шпет, 1996], однако историко-научное обоснование ведется в учебниках В.С. Мухиной с доминированием анализа направления Л.С. Выготского-А.Н. Леонтьева, но не герменевтика Г.Г. Шпета, хотя именно он впервые привнес в отечественное человекознание развернутую онтологию и методологию философской феноменологии. При этом В.С. Мухина справедливо в конкретных возрастно-психологических изысканиях изучает в т.ч. феноменологию переживаний личности в процессе ее возрастного развития. Это корреспондирует с методологической трактовкой переживаний как важнейшей предметности психологических исследований как у Л.С. Выготского (согласно Т.Г. Стефаненко), так и у Г.Г. Шпета (1996) и М. Шелера (Морозова, Семенов 207), что отмечалось также в научной школе Т.Д. Марцинковской (2012; 1996).

В словарных и энциклопедических статьях о персонологии Г.Г. Шпета, обычно он квалифицируется преимущественно как философ и деятель культуры. При характеристике же его феноменолого-герменевтической философии часто не раскрывается ее теснейшая связь с психологией (что рассмотрено нами выше) и не показывается конкретно важная роль Г.Г. Шпета как деятеля культуры. Поэтому в институциональном плане необходимо подчеркнуть, что он стоял у истоков создания ряда первых в стране и ведущих в свое время научных, культурных и образовательных институций. Так, вместе с Г.И. Челпановым он спроектировал и организовал при МГУ в 1912-1914 гг. Психологический институт (с 1918 г. ГИЭП, ныне ПИ РАО), ставший потом базой для открытия в 1942 г. С.Л. Рубинштейном кафедры психологии МГУ. В 1921-1923 гг. Г.Г. Шпет – в качестве директора – создал Институт научной философии, который в 1929-е г. большевик-академик А.М. Деборин трансформировал в ИФ АН СССР (ныне ИФ РАН). В 1921 г. философ-искусствовед Г.Г. Шпет и художник-авангардист В.В. Кандинский организуют Государственную академию художественных наук (ГАХН) при президентстве

большевика-литературоведа П.С. Когана, которая позднее трансформируется в НИИ искусствознания. В 1920-е гг. ГАХН стала еще одним центром философских, психологических и искусствоведческих исследований в советском человекознании наряду с МГУ, ЛГУ, институтами психологии (директора Г.И. Челпанов и К.Н. Корнилов в Москве), психоневрологии (В.М. Бехтерев в Петрограде) и руководимой П.П. Блонским Академией социалистического воспитания [Семенов, 1970, 2016, 2018-6]. В 1932-1935 гг. Г.Г. Шпет – в качестве проректора – руководит Академией высшего актерского мастерства (которая стала прообразом ГИТИСА) и готовит проект создания академии МХАТ. Лишь через 20 лет после всей этой научно-организационной деятельности Г.Г. Шпета некоторые ее ракурсы повторит крупнейший советский философ-психолог середины XX в. С.Л. Рубинштейн, назначенный в 1942 г. директором ГИЭП и завкафедрой психологии МГУ, а в 1945 г. – заместителем директора ИФ АН СССР и лишившийся этих руководящих постов из-за идеологической опалы в конце 1940-х гг.

Важно подчеркнуть, что Г.Г. Шпет не ограничивался созданием и руководством гуманитарных институций, а создавал каналы научно-информационных коммуникаций. Так, он пестовал журналы, участвуя в 1917-1918 гг. в организации «Психологического обозрения», а также в 1917-1922 гг. качестве главного редактора – феноменологического ежегодника «Мысль и слово» (Часть из них явилась прототипом издания в современной России рубежа XX-XXI вв. гуманитарной периодики в виде журнала «Логос» и ежегодника «Социо-Логос», первый выпуск которого имеет знаменательный «прошпетовский» подзаголовок «Общество и сферы смысла»). Ныне же популярны различные общественные мероприятия и медийно-рефлексивные ток-шоу под девизом «Территория смыслов» – чем не реализация замыслов Г.Г. Шпета о «явлении смысла» в современной социальной практике «мысли и слова»? Тем самым Г.Г. Шпет является одним из институциональных лидеров гуманитаристики и психологии 1920-х гг., что недооценивается вплоть до ныне историками психологии.

В плане теоретико-методологического развития психологического познания важно подчеркнуть, что разрабатывавшиеся Г.Г. Шпетом предметные области (герменевтико-феноменологическая философия, смысловая психология сознания и бытия личности, этнопсихология групп и социальных общностей) оказались весьма востребованными в таких сферах современной психологической науки и практики, как: возрастное и смысловое развитие личности, персонология индивидуальности, анализ индивидуальных случаев, психология интуиции, рефлексии и творчества, поддержка личности с коррекцией ее самосознания и самоопределения в экзистенциально-групповых тренингах, психологическое обеспечение личностно-профессионального роста и акме-творческой самореализации в социальном бытии.

Заключение

Научное наследие Г.Г. Шпета с каждым годом приобретает все большее междисциплинарное значение в человекознании и обществознании по мере переиздания его фундаментальных трудов и их предметно-рефлексивной интерпретации в контексте современной философии, методологии, этнопсихологии, истории, культурологии, семиотики, структурализма, герменевтики, искусствознания, философской антропологии. Таким образом Г.Г. Шпет является провозвестником трансдисциплинарности современного человекознания, предвосхищая ее герменевтико-феноменологическую реализацию в онтологии и методологии гуманитарных наук, в т.ч. в философии, психологии и искусствознании.

Библиография

1. Алексеев Н.Г., Семенов И.Н., Советов А.В. Мысли о мыслях. Рефлексивное мышление и творчество. Новосибирск, 1996. 226 с.
2. Ардашев П.Н. Психология в истории (Новейшая попытка психологического обоснования истории) // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 3. С. 294-313.
3. Байрон Дж.Г. Мистерии. М.-Л.: Academia, 1934. 413 с.
4. Белый А. Мысль и язык (философия языка А.А. Потебни) // Логос. 1910. С. 251.
5. Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Русский вестник. 1888. №5. С. 210-270.
6. Бодалев А.А., Семенов И.Н., Чудновский В.Э. Смысл жизни. Материалы симпозиума. М., 2003. 145 с.
7. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1996. 336 с.
8. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. 200 с.
9. Вундт В. Элементы психологии народов. Основные черты психологической истории развития человечества. СПб., 1913. 311 с.
10. Выготский Л.С. Мышление и речь // Соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1982-1984.
11. Гуружапов В.А. Проблемы интеграции экспериментальных исследований и феноменологического анализа психологии искусства // Челпановские чтения 2006-2007. М., 2007. С. 146-149.
12. Гуссерль Э. Избранные работы: Феноменологическая психология. Письма Г.Г. Шпета к Э. Гуссерлю. М.: Территория будущего, 2005. 458 с.
13. Зинченко В.П. Мысль и слово: подходы Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета // Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 371-399.
14. Кантор В.К. Густав Шпет: русская философия как показатель европеизации России // Вестник Европы. 2005. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2005/13/gustav-shpet-russkaya-filosofiya-kak-pokazatel-evropeizaczii-rossii.html>
15. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2009. 790 с.
16. Маркелов Т.И. Личность как культурно-историческое явление. СПб., 1912. 240 с.
17. Марцинковская Т.Д., Гусельцева М.С., Прихожан А.М. Феноменология современного детства. М.: ФИРО, 2012-2013.
18. Морозова М.В., Семенов И.Н. Философско-психологические проблемы изучения переживаний и их связей с рефлексией // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. №1-2. С. 57-101.
19. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. М., 2006. 640 с.
20. Мясищев В.Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 142-154.
21. Некрасов П.А. Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности. М., 1902. 138 с.
22. Познер В. Диалектический материализм – философия пролетариата. М., 1933. 563 с.
23. Прыгунова Т.А., Семенов И.Н. Рефлексия герменевтико-психологических аспектов позднего художественного творчества У. Шекспира и его персоналогии на закате культуры Возрождения // Мир психологии. 2019. № 3.
24. Семенов И.Н. Бехтерев Владимир Михайлович. Блонский Павел Петрович. Выготский Лев Семенович. Вюрцбургская школа. Душа. Желание. Индивидуальность. Кюльпе Освальд // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970-1973.
25. Семенов И.Н. Экзистенциально-культуральная рефлексия во взаимодействии художественного и научного творчества в культуре Серебряного века // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М., 2011. С. 606-624.
26. Семенов И.Н. Методологическая рефлексия параллелей развития научного творчества и школ Л.С. Выготского, Б.М. Теплова, Г.И. Челпанова // Челпановские чтения – 2016. М., 2016. С. 145-157.
27. Семенов И.Н. Философско-антропологическая проблематика рефлексивной психологии смысла в российском человекознании // Мир психологии. 2017. № 2. С. 280-297.
28. Семенов И.Н. Эпистемологическая типология форм научного знания в рефлексивной психологии творчества // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М., 2018. С. 472-513.
29. Семенов И.Н. Обзор институционального развития советской психологии в контексте истории российского человекознания (К 100-летию советской психологической науки) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. № 6А. С. 98-115.
30. Семенов И.Н., Репецкий Ю.А., Репецкая А.В. Тренинг-практикум «Экзистенциальный опыт осознанности и осмысления»: теоретические основы, возможности и апробация в работе с одаренной молодежью // Мир психологии. 2019. № 1. С. 264-277.
31. Татаринов А.П. Естество морали или личность во времени, а пространство в объеме. М., 1835.
32. Хоружий С.С. К пределам феноменологии: Шпет, Гуссерль и интенциональность в мире духовной практики // Густав Шпет и его философское наследие. У истоков семиотики и структурализма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 140-154

33. Чудновский В.Э. Проблемы психологии смысла жизни и судьбы человека. 2007. URL: <http://hpsy.ru/authors/x359.htm>
34. Шпет Г.Г. Память в экспериментальной психологии. К., 1905.
35. Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. 1907. С. 141-247.
36. Шпет Г.Г. Сознание и его собственник. М., 1916.
37. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы. М., 1918.
38. Шпет Г.Г. Этническая психология. М., 1927. С. 417-501.
39. Шпет Г.Г. Мысль и слово (Явление и смысл: феноменология, как основная наука, и ее проблемы). М., 1914.
40. Шпет Г.Г. Философия и история. М., 1916.
41. Шпет Г.Г. История как предмет логики. М., 1922.
42. Шпет Г.Г. Язык и смысл. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с.
43. Шпет Г.Г. Критические заметки к проблеме психической причинности. (По поводу кн. В.В. Зеньковского «Проблема психической причинности». Киев, 1914) // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 2 (127).
44. Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. М., 1916. Часть I. 473 с.
45. Шпет Г.Г. Конспект доклада «Социализм или гуманизм» (конец 1917 – начало 1918) (Реконструкция Т.Г. Щедриной) // Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008. 390 с.
46. Шпет Г.Г. Антропологизм Лаврова в свете истории философии // П.Л. Лавров. Статьи. Воспоминания. Материалы. Пг., 1922.
47. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Ч. 1-2. // Введенский А. И. и др. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. 591 с.
48. Шпет Г.Г. Психология социального бытия (Проблемы современной эстетики). М., 1922. С. 373-412.
49. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М., 1927. С. 49-260.
50. Шпет Г.Г. Избранные психологические труды. М., 1996. 312 с.
51. Шпет Г.Г. Философия и психология культуры (Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта). М., 1927. С. 3-144.
52. Шпет Г.Г. Сознание феноменологическое и реальное. Реконструкция Т.Г. Щедриной // Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии. М., 2010. URL: <https://publications.hse.ru/books/80870490>
53. Шпет Г.Г. Философия и наука: лекционные курсы. М.: РОССПЭН, 2010. 496 с.
54. Шюц А. Смысловая структура повседневного опыта. М., 2003. 336 с.
55. Щедрина Т.Г. Понятие «личность» в текстах Густава Шпета: аспекты значений и контексты употребления // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. М.: РОССПЭН, 2011. С. 69-87.
56. Chpet G.G. *La form interne du mot*. Paris: KIME, 2007.
57. Dennes M. (ed.). *Gustav Chpet et son heritage aux sources russe deu structuralisme et de la semiotique*. Toulouse: Slavica Occitania, 2008.
58. Dudareva V.Yu, Semenov I. N. Phenomenology of reflection and its investigation in modern foreign psychology // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2008. Vol. 5. No. 1. P. 101-120.

**Reflexive and culturological review of the impact of scientific
creativity of Gustav Shpet on the development of human knowledge
(On the 140th anniversary of the philosopher and psychologist)**

Igor' N. Semenov

Doctor of Psychology, Professor,
National Research University – Higher School of Economics,
101000, 20, Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: semenov@hse.ru

Abstract

The historical and psychological research presented in this article characterizes Gustav Shpet's vivid and tragic life and underestimated scientific creativity and organizational role in the

development of domestic human knowledge of the outstanding humanities of the first third of the twentieth century. A major figure in science and culture, philosopher and psychologist G.G. Shpet is the founder of Russian phenomenological philosophy, hermeneutic logic, ethnopsychology of society, psychology of meaning, hermeneutics of art history and the forerunner of the semiotics of structuralism, as well as co-founder of the country's first three scientific institutes (psychology, philosophy, and art history) and two academies (art and acting), and a number of humanitarian magazines. The scientific heritage of G.G. Shpet every year becomes more and more interdisciplinary in human science and social science as its fundamental works are reprinted and their subjective and reflexive interpretations are made in the context of modern philosophy, methodology, ethnopsychology, history, cultural studies, semiotics, structuralism, hermeneutics, art history, and philosophical anthropology. The author of the paper concludes that G.G. Shpet is a forerunner of the transdisciplinary nature of modern human science, anticipating its hermeneutic-phenomenological implementation in the ontology and methodology of the humanities, including in philosophy, psychology and art history.

For citation

Semenov I.N. (2019) Refleksivno-kul'turologicheskii obzor vliyaniya nauchnogo tvorchestva G.G. Shpeta na razvitie chelovekoznaniiya (K 140-letnemu yubileyu filosa-fa-psikhologa) [Reflexive and culturological review of the impact of scientific creativity of Gustav Shpet on the development of human knowledge (On the 140th anniversary of the philosopher and psychologist)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (4A), pp. 188-208. DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.023

Keywords

Shpet G.G., Vygotsky L.S., philosophy of phenomenology, psychology of meaning, ethnopsychology, consciousness, reflection, creativity, institutions, personology of individuality.

References

1. Alekseev N.G., Semenov I.N., Sovetov A.V. (1996) *Mysli o myslyakh. Refleksivnoe myshlenie i tvorchestvo* [Thoughts on thoughts. Reflective thinking and creativity]. Novosibirsk.
2. Ardashev P.N. (1895) *Psikhologiya v istorii (Noveishaya popytka psikhologicheskogo obosnovaniya istorii)* [Psychology in history (The latest attempt at the psychological justification of history)]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of philosophy and psychology], 3, pp. 294-313.
3. Byron J.G. (1934) *Misterii* [Mysteries]. Moscow-Leningrad: Academia Publ.
4. Belyi A. (1910) *Mysl' i yazyk (filosofiya yazyka A.A. Potebni)* [Thought and language (language philosophy of A. A. Potebnya)]. *Logos*, p. 251.
5. Bestuzhev-Ryumin K.N. (1888) *Teoriya kul'turno-istoricheskikh tipov* [The theory of cultural-historical types]. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 5, pp. 210-270.
6. Bodalev A.A., Semenov I.N., Chudnovskii V.E. (2003) *Smysl zhizni. Materialy simpoziuma* [Meaning of life. Symposium materials]. Moscow.
7. Brudnyi A.A. (1996) *Psikhologicheskaya germenentika* [Psychological hermeneutics]. Moscow: Labirint Publ.
8. Chudnovskii V.E. (2007) *Problemy psikhologii smysla zhizni i sud'by cheloveka* [Problems of psychology of the meaning of life and the fate of man]. Available at: <http://hpsy.ru/authors/x359.htm> [Accessed 07/07/2019]
9. Dennes M. (ed.) (2008) *Gustav Chpet et son heritage aux sources russe deu structuralisme et de la semiotique*. Toulouse: Slavica Occitania.
10. Dudareva V.Yu., Semenov I. N. (2008) Phenomenology of reflection and its investigation in modern foreign psychology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 5, 1, pp. 101-120.
11. Guruzhapov V.A. (2007) Problemy integratsii eksperimental'nykh issledovaniy i fenomenologicheskogo analiza psikhologii iskusstva [Problems of integration of experimental studies and the phenomenological analysis of the psychology of art]. In: *Chelpanovskie chteniya 2006-2007* [Chelpanov readings 2006-2007]. Moscow.

12. Husserl E. (2005) *Izbrannye raboty: Fenomenologicheskaya psikhologiya. Pis'ma G.G. Shpeta k E. Gusserlyu* [Selected works: Phenomenological psychology. Letters of G.G. Shpet to E. Husserl]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.
13. Kantor V.K. (2005) Gustav Shpet: russkaya filosofiya kak pokazatel' evropeizatsii Rossii [Gustav Shpet: Russian philosophy as an indicator of the Europeanization of Russia]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2005/13/gustav-shpet-russkaya-filosofiya-kak-pokazatel-evropeizatsii-rossii.html> [Accessed 07/07/2019]
14. Khoruzhii S.S. (2010) K predelam fenomenologii: Shpet, Gusserl' i intentsional'nost' v mire dukhovnoi praktiki [To the limits of phenomenology: Shpet, Husserl and intentionality in the world of spiritual practice]. In: *Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie. U istokov semiotiki i strukturalizma* [Gustav Shpet and his philosophical heritage. At the origins of semiotics and structuralism]. Moscow: ROSSPEN Publ.
15. Leont'ev D.A. (2009) *Psikhologiya smysla* [The psychology of meaning]. Moscow: Smysl Publ.
16. Markelov T.I. (1912) *Lichnost' kak kul'turno-istoricheskoe yavlenie* [Personality as a cultural-historical phenomenon]. St. Petersburg.
17. Martsinkovskaya T.D., Gusel'tseva M.S., Prikhozhan A.M. (2012-2013) *Fenomenologiya sovremennogo detstva* [The phenomenology of modern childhood]. Moscow: FIRO Publ.
18. Morozova M.V., Semenov I.N. (2015) Filosofsko-psikhologicheskie problemy izucheniya perezhivaniy i ikh svyazi s refleksiei [Philosophical and psychological problems of the study of experiences and their relationships with reflection]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 1-2, 57-101.
19. Mukhina V.S. (2006) *Fenomenologiya razvitiya i bytiya lichnosti* [Phenomenology of the development and existence of personality]. Moscow.
20. Myasishchev V.N. (1957) Problema otnosheniya cheloveka i ee mesto v psikhologii [The problem of human relations and its place in psychology]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 5, pp. 142-154.
21. Nekrasov P.A. (1902) *Filosofiya i logika nauki o massovykh proyavleniyakh chelovecheskoi deyatel'nosti* [Philosophy and logic of science about the mass manifestations of human activity]. Moscow.
22. Pozner V. (1933) *Dialekticheskii materializm – filosofiya proletariata* [Dialectical materialism, the philosophy of the proletariat]. Moscow.
23. Prygunova T.A., Semenov I.N. (2019) Refleksiya germenovtiko-psikhologicheskikh aspektov pozdnego khudozhestvennogo tvorchestva U. Shekspira i ego personologii na zakate kul'tury Vozrozhdeniya [Reflection of the hermeneutic-psychological aspects of the late art of W. Shakespeare and his personology at the sunset of the Renaissance culture]. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 3.
24. Semenov I.N. (1970-1973) Bekhterev Vladimir Mikhailovich. Blonskii Pavel Petrovich. Vygotskii Lev Semenovich. Vyurzburgskaya shkola. Dusha. Zhelanie. Individual'nost'. Kyul'pe Osva'd [Bekhterev Vladimir Mikhailovich. Blonsky Pavel Petrovich. Vygotsky Lev Semenovich. Wurzburg School. Soul. Wish. Individuality. Külpe Oswald]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
25. Semenov I.N. (2011) Ekzistentsial'no-kul'tural'naya refleksiya vo vzaimodeistvii khudozhestvennogo i nauchnogo tvorchestva v kul'ture Serebryanogo veka [Existential-cultural reflection in the interaction of art and scientific creativity in the culture of the Silver Age]. In: *Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovanii k sotsial'nym i kul'turnym fenomenam* [Creativity: from biological foundations to social and cultural phenomena]. Moscow.
26. Semenov I.N. (2016) Metodologicheskaya refleksiya parallelei razvitiya nauchnogo tvorchestva i shkol L.S. Vygotskogo, B.M. Teplova, G.I. Chelpanova [Methodological reflection of the parallels in the development of scientific creativity and schools of L.S. Vygotsky, B.M. Teplov, G.I. Chelpanov]. In: *Chelpanovskie chteniya – 2016* [Chelpanov readings 2016]. Moscow.
27. Semenov I.N. (2017) Filosofsko-antropologicheskaya problematika refleksivnoi psikhologii smysla v rossiiskom chelovekoznanii [Philosophical and anthropological problems of the reflexive psychology of meaning in Russian human studies]. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2, pp. 280-297.
28. Semenov I.N. (2018) Epistemologicheskaya tipologiya form nauchnogo znaniya v refleksivnoi psikhologii tvorchestva [Epistemological typology of the forms of scientific knowledge in the reflexive psychology of creativity]. In: *Psikhologicheskoe znanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Psychological knowledge: current status and development prospects]. Moscow.
29. Semenov I.N. (2018) Obzor institutsional'nogo razvitiya sovetskoi psikhologii v kontekste istorii rossiiskogo chelovekoznanii (K 100-letiyu sovetskoi psikhologicheskoi nauki) [A review of the institutional development of Soviet psychology in the context of the history of Russian human science (On the 100th anniversary of Soviet psychological science)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 6A, pp. 98-115.
30. Semenov I.N., Repetskii Yu.A., Repetskaya A.V. (2019) Trening-praktikum «Ekzistentsial'nyi opyt osoznannosti i osmysleniya»: teoreticheskie osnovy, vozmozhnosti i aprobatsiya v rabote s odarennoi molodezh'yu [Training workshop “Existential experience of awareness and understanding”: theoretical foundations, opportunities and testing in work with gifted youth]. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 1, pp. 264-277.

31. Shchedrina T.G. (2011) Ponyatie «lichnost'» v tekstakh Gustava Shpeta: aspekty znachenii i konteksty upotrebleniya [The concept of “personality” in the texts of Gustav Shpet: aspects of meanings and contexts of use]. In: *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya* [Style of thinking: the problem of the historical unity of scientific knowledge]. Moscow: ROSSPEN Publ.
32. Shpet G.G. (1905) *Pamyat' v eksperimental'noi psikhologii* [Memory in experimental psychology]. Kiev.
33. Shpet G.G. (1907) *Philosophia Natalis. Izbrannye psikhologo-pedagogicheskie trudy* [Philosophia Natalis. Selected psychological and pedagogical works].
34. Shpet G.G. (1916) *Soznanie i ego sobstvennik* [Consciousness and its owner]. Moscow.
35. Shpet G.G. (1918) *Germenevtika i ee problemy* [Hermeneutics and its problems]. Moscow.
36. Shpet G.G. (1927) *Etnicheskaya psikhologiya* [Ethnic Psychology]. Moscow.
37. Shpet G.G. (1914) *Mysl' i slovo (Yavlenie i smysl: fenomenologiya, kak osnovnaya nauka, i ee problemy)* [Thought and word (Phenomenon and meaning: phenomenology, as the main science, and its problems)]. Moscow.
38. Shpet G.G. (1916) *Filosofiya i istoriya* [Philosophy and history]. Moscow.
39. Shpet G.G. (1922) *Istoriya kak predmet logiki* [History as a subject of logic]. Moscow.
40. Shpet G.G. (2005) *Yazyk i smysl* [Language and meaning]. Moscow: ROSSPEN Publ.
41. Shpet G.G. (1915) Kriticheskie zametki k probleme psikhicheskoi prichinnosti. (Po povodu kn. V.V. Zen'kovskogo «Problema psikhicheskoi prichinnosti». Kiev, 1914) [Critical notes on the problem of mental causation. (Regarding book by V.V. Zenkovsky, “The Problem of Psychic Causality.” Kiev, 1914)]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of Philosophy and Psychology], 2 (127).
42. Shpet G.G. (1916) *Istoriya kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya* [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies]. Moscow. Part 1.
43. Shpet G.G. (2008) Konspekt doklada «Sotsializm ili gumanizm» (konets 1917 – nachalo 1918) (Rekonstruktsiya T.G. Shchedrinoi) [Abstract of the report “Socialism or Humanism” (late 1917 – early 1918) (Reconstruction by T. G. Shchedrina)]. In: Shchedrina T.G. *Arkhiv epokhi: tematicheskoe edinstvo russkoi filosofii* [Archive of the era: thematic unity of Russian philosophy]. Moscow.
44. Shpet G.G. (1922) Antropologizm Lavrova v svete istorii filosofii [Anthropologism of Lavrov in the light of the history of philosophy]. In: P.L. Lavrov. *Stat'i. Vospominaniya. Materialy* [Articles. Memories. Materials]. Petrograd.
45. Shpet G.G. (1991) Ocherk razvitiya russkoi filosofii. Ch. 1-2. [Essay on the development of Russian philosophy. Parts 1-2]. In: Vvedenskii A.I. et al. *Ocherki istorii russkoi filosofii* [Essays on the History of Russian Philosophy]. Sverdlovsk.
46. Shpet G.G. (1922) *Psikhologiya sotsial'nogo bytiya (Problemy sovremennoi estetiki)* [Psychology of social being (Problems of modern aesthetics)]. Moscow.
47. Shpet G.G. (1927) *Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta* [The internal form of the word: Etudes and variations on the theme of Humboldt]. Moscow.
48. Shpet G.G. (1996) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow.
49. Shpet G.G. (1927) *Filosofiya i psikhologiya kul'tury (Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta)* [Philosophy and Psychology of Culture (Inner Form of the Word: Etudes and Variations on the Themes of Humboldt)]. Moscow.
50. Shpet G.G. (2010) Soznanie fenomenologicheskoe i real'noe. Rekonstruktsiya T.G. Shchedrinoi [Consciousness is phenomenological and real. Reconstruction by T.G. Shchedrina]. In: Zinchenko V.P., Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. *Istoki kul'turno-istoricheskoi psikhologii* [The origins of cultural-historical psychology.]. Moscow.
51. Shpet G.G. (2010) *Filosofiya i nauka: leksionnye kursy* [Philosophy and science: lecture courses]. Moscow: ROSSPEN Publ.
52. Shpet G.G. (2007) *La form interne du mot*. Paris: KIME.
53. Shyuts A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednevnogo opyta* [The semantic structure of everyday experience]. Moscow.
54. Tatarinov A.P. (1835) *Estestvo morali ili lichnost' vo vremeni, a prostranstvo v ob'eme* [The nature of morality or personality in time, and space in volume]. Moscow.
55. Vasilyuk F.E. (1984) *Psikhologiya perezhivaniya* [Psychology of experience]. Moscow: MSU.
56. Vundt V. (1913) *Elementy psikhologii narodov. Osnovnye cherty psikhologicheskoi istorii razvitiya chelovechestva* [Elements of the psychology of peoples. The main features of the psychological history of human development]. St. Petersburg.
57. Vygotskii L.S. (1892-1894) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. In: *Soch. v 6 t.* [Works in 6 vols.]. Moscow: Pedagogika Publ.
58. Zinchenko V.P. (2010) *Mysl' i slovo: podkhody L.S. Vygotskogo i G.G. Shpeta* [Thought and word: the approaches of Vygotsky and Shpet]. In: *Soznanie i tvorcheskii akt* [Consciousness and creative act]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.